

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 811.161.1'37

Бурдина Е. А.

Брянский государственный университет

ЛЕКСИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС «ЗИМА» КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ КОНСТАНТА В ЯЗЫКЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

E. Burdina

Bryansk State University

THE LEXICAL COMPLEX «WINTER» AS THE NATIONAL CONSTANT IN THE LANGUAGE OF RUSSIAN POETRY

Аннотация. В языке поэзии, отличающемся особой суггестивностью, временная семантика может приглушаться и на центральное место выдвигается иная сема, продиктованная контекстом. Ярким примером такой семантической трансформации является употребление в поэтической речи лексем, входящих в лексико-семантическое поле «Зима» – воплощение национальной символики, что подтверждает сравнительный анализ с поэзией «южных» авторов. Лексико-семантический комплекс «Зима» при этом может наделяться как отрицательной, так и положительной коннотацией, последняя в большинстве случаев превалирует. Национальная символика может распространяться также на понятие хронотопа и временной транспективы.

Ключевые слова: лексический комплекс, лексико-семантическое поле «Зима», семантика, поэтическая речь, национальная символика, коннотация, хронотоп, сопоставительный анализ.

Abstract. The time semantics may become weaker and another seme, dictated by the context may take the central position in the poetic language distinguished by special suggestibility. The usage of the lexems which belong to the lexical-semantic field «winter», presenting the incarnation of the national symbol, in the poetic speech is the striking example of such semantic transformation. The comparative analysis with the poetry of the «south» authors also confirms this. The lexical-semantic complex «winter» at the same time can have both positive and negative connotations, the latter in most cases prevails. The national symbols can be extended also to the concept of chronotop and temporary transpective.

Keywords: lexical complex, lexical-semantic field «winter», semantics, poetic speech, national symbol, connotation, chronotop, comparative analysis.

Русская зима издревле была своеобразной достопримечательностью, о чём свидетельствуют мемуары иностранцев, побывавших в России [2]. Да и сами русские считают зиму своим национальным достоянием. «Мороз», «лёд», «снег» являются константами, входящими в лексический комплекс концепта «Зима», что подтверждается данными Русского ассоциативного словаря – уникального лексикографического произведения, которое создавалось на основе

© Бурдина Е.А., 2011.

свободного ассоциативного эксперимента и поэтому, по словам авторов, «позволяет проникнуть в социально-историческую память носителей русского языка и получить ответ на вопрос: “Как мыслят русские в современной России?”» [3, с. 3]. В словарной статье к слову-стимулу «зима» в числе других находим следующие реакции: *холодная, холод, снег, снежная, холодно, суровая, лютая, морозная, лёд* [3, с. 220]. Как видим, ассоциативное мышление современного русского человека не разрушает многовековые стереотипы. Своёобразным отражением такого традиционного взгляда является и русская поэзия, которая воспринималась всегда как зеркало русской души и которая являет образ зимы особенно многогранно. Цель нашего исследования – выявить, какое место занимает национальная коннотация в семантической структуре лексем, входящих в лексико-семантический комплекс «Зима», в языке русской поэзии. В сопоставлении экспликации образа зимы в текстах «нордической» поэзии и произведениях «южных» авторов такой вопрос становится особенно актуальным.

В 1817 году П. Вяземский впервые даёт лирическое описание снега в своей элегии «Первый снег». Здесь пейзаж не является декорацией, снег становится полноправным героем поэтического произведения. Это стихотворение послужило отправной точкой в создании образа зимы в тесной связи с представлением о национальном колорите России. Картины зимы наделяются патриотическими мотивами, наряду с лексическим комплексом «Зима» в пределах одного контекста употребляются такие лексемы и сочетания, как *Русь, край отцов, родились, мой край* и т. д.: *Но мне милей роскошной жизни Юга / Седой зимы полуночная вьюга, Мороз и ветер <...> И с радостью внимаешь звуку слов: «Я Руси сын! Здесь край моих отцов»* (И. Никитин. Юг и север); *А куда и спешить против холода, ветра и снега? / Родились мы в снегу, – вьюга нас и схоронит* (И. Бунин. Кустарник); *О сердцах, о глазах, больших и тревожных, / О крае моём, где только зима, зима...* (Н. Ти-

хонов. Человек с севера). В любви к зиме проявляется особый склад национального характера: *Нам не стать привыкать, / – Пусть мороз твой трещит: / Наша русская кровь / На морозе горит!* (И. Никитин. Встреча зимы).

Словарь фиксирует такое значение лексемы *зима*: «самое холодное время года, наступающее вслед за осенью и сменяющееся весной» [4, с. 612]. Однако в языке поэзии, отличающемся особой экспрессивностью и семантической суггестивностью, временная семантика нередко несколько приглушается, вследствие этого лексема приобретает другую семантическую трактовку, отличную от значения, зафиксированного в лексикографической практике. Очевидно, весь лексический комплекс во главе с гиперонимом «зима» способен приобретать в поэтической речи потенциальную сему, связанную с национальным менталитетом фрагмент национальной картины мира.

Русские гордятся своей зимой, которая воспринималась всегда как зеркало русской души, особенно в противопоставлении с другими национальностями: *Немец к мудрецам причислен, / Немец – дока для всего, / Немец так глубокомыслен, / Что провалишься в него. / Но по нашему покрою, / Если немца взять врасплох, / А особенно зимою, / Немец – воля ваша! – плох* (П. Вяземский. Масленица на чужой стороне). Этноним *немец* приобретает в приведённом контексте множество вероятностных сем: «мудрец», «дока», «глубокомысленный». Казалось бы, все они наделены положительной коннотацией, если бы не ироническая окраска фрагмента. Впрочем, нам здесь видится не злая ирония, а оттенок некоторого снисхождения к представителям другой национальности, что характеризовало русский национальный менталитет (кстати, наряду с другой, кардинально диаметральной, чертой – поклонением). Несмотря на то, что лексема *немец* употреблена здесь в своем прямом значении «люди, принадлежащие к немецкой национальности, основное население Германии» [5, с. 491], мы полагаем

возможным говорить о некотором расширении значения «любой иностранец вообще».

В других случаях употребления *зима* не просто характеризует Россию, но и олицетворяется с её трагической историей, «судьбой» (обратим внимание на эпитеты *страшная*, *безумная*): *Войте, вейте, снежные стихи, / Заметая древние гроба: / В этом ветре вся судьба России – / Страшная безумная судьба* (М. Волошин. Северо-восток).

В русской поэзии образ зимы может включать как отрицательную оценку, так и положительную.

Так, Ф. И. Тютчев в стихотворении «Зима недаром злится...» употребляет, характеризуя зиму, единицы «злится», «взбесилась», «ведьма злая», «враг» – рядом с номинацией весны «прелестное дитя», безусловно, отрицательный персонаж. В произведении Н. А. Некрасова «Зеленый Шум» можно выделить два антагонистических полюса: зима «косматая», подталкивающая к «думе лютой» («Убей, убей изменницу!..»), и весна, «Зеленый Шум», песня природы, несущая в себе доброе и создающее начало. Как видим, в приведенных примерах авторами широко используется приём психологического параллелизма, персонализация жизни природы. Это приводит к осмыслению лексем *весна* и *зима* в качестве контекстуальных антонимов, что не всегда возможно в общей языковой практике.

Нередко лексема *зима* наделяется в языке поэзии семами «одиночество», «незащищённость», «грусть», «невзгоды»: *И в душе твоей безнадежной / Та же легкая пленная грусть. / О, стихи зимы среброснежной! / Я читаю вас наизусть* (А. Блок. Снежная вязь); *Мой сад, от зим не застекленный, / зачем с такой незащищённостью / шары мгновенные летят?* (А. Вознесенский. Париж без рифм). В последнем случае семантический комплекс понятия «зима» не просто входит как фрагмент в поле «Время», но и становится экспликатором его философской составляющей. Такая трактовка нередко встречается и в произведениях других поэтов: *Мерцанье будущего или прошлый миг / Задолго до меня*

или намного позже <...> Любуюсь я луною, / И на меня, сверкая, снег летит (Н. Карташёва. «На синем фоне неба вырезная...»); *И я затянута / Ленной млечной! / Тобой обманута, / О, Вечность!* (А. Блок. В снегах); *Снег идёт, густой-густой. / В ногу с ним, стопами теми, / В том же темпе, с ленью той / Или с той же быстротой, / Может быть, проходит время?* (Б. Пастернак. Снег идёт).

Лексический комплекс «Зима» может характеризовать охладевшие чувства, угнетённое состояние духа: *Зима души. Косым издалека / Её лучом живое солнце греет, / Она ж в немых сугробах цепенеет, И ей поёт метелица тоска* (В. Иванов. Зимние сонеты); *Я всех забыл, кого любил, / Я сердце вьюгой закрутил, / Я бросил сердце с белых гор, / Оно лежит на дне!* (А. Блок. «Сердце предано метели...»).

Физическая, «обжигающая» особенность снега в тактильных ощущениях либо его визуальная особенность отражать солнечный свет приводит к тому, что в поэзии душевные терзания лирического героя передаются через метафору в сочетании с оксюморонами. Например, у Блока: *Чтоб огонь зимы палящей / Сжѣг грозящий / Дальний крест!* (Тревога); *...Налетает вихрь / Снежных искр...* (Заклятие огнём и мраком); *...Заносит вьюга на порог / Пожар метели белокрылой...* («И я опять затих у этих ног...»).

Другими семами, наполняющими план содержания лексемы *зима*, являются «смерть», «скорбь» (лексические экспликаторы *саван*, *траурные*): *Зимней степи сумрак скучный, / Саван неба, облака!* (П. Вяземский. Дорожная дума); *Снежная равнина, белая луна, / Саваном покрыта наша сторона.* (С. Есенин. «Снежная равнина, белая луна...»); *Белеет снега мишустая постель, / В сугробах стынута траурные ели.* (И. Бунин. «Морозное дыхание метели...»). В последней иллюстрации мы видим ещё наложение семы «сон», что в поэтических текстах встречается нередко. При этом образ зимы наделяется мистическими чертами, олицетворяется и слово пишется в тексте с заглавной буквы, что характерно

для пантеистической поэзии Ф. И. Тютчева: *Чародейкою Зимой / Околдован, лес стоит - / И под снежной бахромою, / Неподвижную, немую, / Чудной жизнью он блестит.* («Чародейкою Зимой...»). Зима повергает природу в сон, существование замедляется, но не останавливается вовсе, что подчёркивается поэтами: лес не живой, но и «не мертвец»; жизнь не зачёркивается, а берётся в скобки – всё дожидается своего пробуждения: *И стоит он* (лес. – Авт.) *околдован, - / Не мертвец и не живой - / Сном волшебным очарован...* (Ф. Тютчев. «Чародейкою Зимой...»); *В скобках берёт зима жизнь* (И. Бродский. Орфей и Андромеда).

С другой стороны, лексема *зима* может приобретать в тексте позитивную коннотацию, наделяясь такими семантическими оттенками, как «красота», «величие»: *Если ты красоте поклоняешься, / Снег и зиму люби. / Красоту / Называют недаром холодною* (Н. Некрасов. «Если ты красоте поклоняешься...»).

Последние семы в русской поэзии представлены в большем количестве, чем первые (положительная оценка находит выражение посредством употребления лексем *великолепный, сказочный, величие, сладко*): *Под голубыми небесами / Великолепными коврами, / Блестя на солнце, снег лежит...* (А. Пушкин. Зимнее утро); *Небо снегом кропит и кропит / Фиолетовый сказочный вечер* (Н. Карташёва. «Из окна утешительный вид...»); *Ночь северная медленно и грозно / Возносит косное величие своё. / Как сладко мне во мгле морозной / Моё звериное жильё!* (И. Бунин. «Как всё вокруг сурово, снежно...») и т. д.

Зима в этом случае не приравнивается к смерти, напротив, после мрачной, чёрной осени она символизирует новый этап жизни: *На празднике зимы красуется земля / И нас приветствует живительной улыбкой* (П. Вяземский. Первый снег).

Описание зимы на огромных просторах России реализуется в рамках хронотопа (лексические конкретизаторы времени *зима, снегов, январского* + конкретизаторы пространства *огромная, просторная, простран-*

ство): *Зима. Огромная, просторная зима.* <...> *Частицами снегов в пространство отражён. / И девственный пожар январского огня...* (Н. Заболоцкий. Урал). Нам видится, что к традиционным составляющим хронотопа «время-пространство» в данном случае прибавляется ещё одна – движение [1]: лексический экспликатор *отражён* (сравним у Б. Пастернака в произведении «Снег идёт»: *Снег идёт, снег идёт, / Словно падают не хлопья, / А в заплатанном салоне / Сходит наземь небосвод* – время (снег → зима) + пространство (*наземь, небосвод*) + движение (*идёт, падают*)). Такое семантическое наслоение придаёт поэтическому описанию патетическую окраску и наделяется особой силой эстетического (в частности патриотического) воздействия, что подтверждают строки: *В такое утро русский человек, / какое б с ним ни приключилось горе, / не может тосковать...* (Н. Заболоцкий. Урал). Три этих вектора хронотопа в языке поэзии могут вливаться в общий поток временной трансспективы: обзора человеческой жизни от прошлого к настоящему с направленностью в будущее, как, например, в стихотворении Е. Евтушенко «Идут белые снеги»: *Чьи-то души бесследно, / растворяясь вдали, / словно белые снеги, / идут в небо с земли. / Идут белые снеги... / И я тоже уйду.* <...> *Идут белые снеги, / как во все времена, / как при Пушкине, Стеньке / и как после меня.* Временная трансспектива выстраивается в цепочку: прошлое (конкретизаторы *все времена, Пушкин, Стенька* – антропонимы также приобретают здесь временную сему) → настоящее (употребление настоящего времени глагола *идут (души)*), одновременность действия, выраженного деепричастием *растворяясь*, – контекстное настоящее время → будущее (будущее время глагола *уйду*, сочетание *после меня*). Обратим внимание, что в будущем поэт тесно связывает свою жизнь с жизнью России: *...если будет Россия, значит, буду и я.* Такая семантическая параллель вкупе со стилистическим употреблением архаичной формы *снеги* наделяет это поэтическое произведе-

ние торжественностью, заостряет внимание на осознании своего «я» (как автора, так и читателя) как части истории, нации.

Красота и величие зимней природы заставляет мысли обратиться к нравственным категориям; *снег, снежный* при этом приобретают сему «чистота»: *Взгляни на эти снежные завалы <...> Земля вокруг так девственно чиста!* (Е. Меркулов. Снежный сонет); *Мой самый главный человек, / Взгляни со мной на этот снег – / Он чист, как то, о чём молчу, / О чём сказать хочу* (Е. Евтушенко. «А снег идёт...»). Снег, как белый лист бумаги, символизирует начало нового года, нового цикла природы, нового шанса изменить жизнь к лучшему: *Как будто бы нам шанс даёт природа / Забыть печали и с начала года / Писать всё снова, с белого листа* (Е. Меркулов. Снежный сонет). Семантика чистоты передвигается от периферии к центру и практически выдвигается на первый план в том случае, когда речь идёт о первом снеге, судьба которого предрешена: *Ты опять про снег – / Первый снег, который потревожит грех. / До сих пор не мог ты, видно, передать, / Как чиста, безгрешна утренняя гладь* (С. Галкин. Тишина); *...Волненья девственных надежд / Я провожу смеясь, / Как белизну его одежд, / Затоптанную в грязь* (А. Грин. Первый снег).

Чистота чувств, чистота помыслов обращает мысли к божественному. Снег семантизируется в этом случае как «посланник небес» и побуждает благоговеть перед Создателем. Особенно ярко такое употребление в речи глубоко верующих людей, служителей культа, например, в поэтических текстах иеромонаха Романа: *А зимний лес особенно торжествен, / Надмирен и величественно тих. <...> Как хорошо, оставив всё мирское, / Прийти сюда, побыть с самим собой. <...> И замолчать под пологом небесным, / Светлея запорошенным лицом. / И предстоять с собранием небесным / В великом аллилуйя пред творцом* («А зимний лес особенно торжествен...»); *Снег идёт! Посмотрите на чудо! / Небеса благовестие шлют. / Ниспадают снежинки оттуда, / Где поныне нас любят и ждут. / Как мерцают*

они под луною! / Как послушны веленью Его, / Украшая, врачуя больное, Не желая себе ничего! («Снег идёт! Посмотрите на чудо!...»).

Если в приведённых иллюстрациях снег – посланник Господа, его попытка обратиться к нам, наделить наши души чистотой помыслов и благоговением, то в стихотворении Е. Евтушенко «Идут белые снеги», к которому мы уже обращались, снег (*снеги*) – это чистые души умерших, при этом интересна «обратность», «зеркальность» их движения: *Чьи-то души бесследно, / растворяясь вдали, / словно белые снеги, / идут в небо с земли*. Это своеобразная попытка «обратной связи» с Создателем, диалога с ним.

Морозная зима расценивается не просто как национальная гордость – это, как у П. Вяземского, вкупе с Масленицей (как ни парадоксально, языческим праздником), повод продемонстрировать приверженность православию, патриотизм, а также русскую удаль и веселье: *В честь тебе и ей Россия, / Православных предков дочь, / строит горы ледяные / И гуляет день и ночь* (Масленица на чужой стороне). Такие семантические параллели находят место и у современных поэтов: *Какое блаженство, что блещут снега, / Что холод окреп, а с утра моросило...* (Б. Ахмадулина. «Какое блаженство, что блещут снега...»); *Я зиму нравную люблю – / Метель, что закружилась во хмелю, / Люблю крутой мороз огневощёкий, / Не здесь ли русского характера истоки: / И щедрость, / И беспечность, / И пороки?* (Ю. Друнина. «Я зиму нравную люблю...»).

Интересно, что у южных и восточных поэтов не встречается такое восприятие снега, льда и зимы в целом. В их творчестве частотна прежде всего отрицательная коннотация. У Данте в «Божественной комедии» лёд и мороз упоминаются в 9-м круге ада, в котором томятся грешники, совершившие предательство; они вместе Люцифером наказаны вечным холодом, их тела покрыты ледяной коркой: *...И аисту под звук стука зубами, / Синели души грешных изо льда. / Своё лицо они склоняли сами, / Свидетельствуя в об-*

лике таком / О **стуже** – ртом, о горести – глазами. <...> И их глаза, набухшие от слез, / Излились влагой, и она застыла, / И веки им **обледенит мороз**. <...> И кто-то молвил, не подняв чела, / От **холода** безухий: «Что такое?..» (перевод М. Лозинского). Лексемы лёд, стужа, мороз, холод наделяются в приведённом контексте семами «боль», «страдание».

Помимо названных, к наиболее часто встречающимся в поэтических текстах южных и восточных авторов негативным семам, по нашим наблюдениям, относятся: «грусть, печаль, угрюмость»: *Чтоб месяцев **зимних** забыл я **печаль**...* (Г. Леонидзе, перевод С. Маршака); *Но **печальная** эта луна / Над **зимним** увядшим лугом...* (Сайгэ, перевод В. Марковой); *Теперь **зима**, / И листья облетели, / От ветра / Треснут, кажется, холмы. / Ночные небеса грозят **метелью** / И я бреду / Среди **угрюмой** тьмы* (Ду Фу, перевод А. Гитовича); «одиночество»: *И я **одинок**, подобно луне / В долгую **зимнюю** ночь* (Ду Фу, перевод А. Гитовича); *Иней **ложа**, / Изголовья **лёд** в **одиночестве** / Не растопить...* (Фудзивара Садаиэ, перевод Т. Бреславец); *Ещё больше **гнетёт одиночество** **зимней порою**...* (Минамото Мунэюки, перевод А. Долина); «подавленное душевное состояние» вообще: *...висок мой чернее смоли, / а сердце – как белый **снег*** (М. Эрнандес, перевод А. Гелескула).

У японских поэтов зима нередко связана с лишением свободы передвижения: *Раньше срока пришло ко мне / **Зимнее заточение*** (Сайгэ, перевод В. Марковой). Вообще восточная поэзия – это поэзия весны, зима упоминается редко. Китайские комментаторы видят здесь смену инь и ян, переход от одного времени года к другому: «древние считали весну и лето – ян, светлым началом, осень и зиму – инь, темным началом» [6]. Но это не значит, что поэты тёплых стран не видят красоты зимней природы: *Ни деревьев, ни трав, / унынием **зимним** объятых, / не узнать в **снегопад** – / краше вешних цветов повсюду / распустились нынче **бутоны**...* (Кино Цураюки, перевод А. Долина) – однако это, скорее, продиктовано эстетическими чувствами, философским созерцанием преображения

природы и познанием через зимний пейзаж своего внутреннего мира, а не национальным мировосприятием.

Следует заметить, что снег, мороз, лёд и иностранными поэтами воспринимаются как русские национальные константы. Например, в произведении сербского поэта Йована Йовановича-Змая «Русская зима» находим: *Коль **зима** в России / Так **зима** со **стужей**. / **Снежные** сугробы / Всюду, а не лужи. <...> Санки едут плавно, / Санки – не телега. / Так и нам бы мчаться!.. / Да у нас нет **снега*** (перевод С. Маршака).

Таким образом, весь лексический комплекс «мороз», «лёд», «снег» и т. д. во главе с гиперонимом «зима» способен приобретать в поэтической речи потенциальную сему, связанную с национальным менталитетом, и вследствие этого превращаться во фрагмент национальной картины мира, тесно связанной с языковой. Лексико-семантический комплекс «Зима» олицетворяет Россию, её историю. При этом он способен наделяться как положительной, так и отрицательной коннотацией; позитивные семы в русской «нордической» поэзии представлены в большем количестве, чего нельзя сказать о творчестве «южных» поэтов, где образ зимы чаще всего наделён негативными чертами. Описание зимы также может подаваться в рамках хронотопа и временной трансспективы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – С. 234 – 407.
2. Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. – М., 1866. – 264 с.
3. Русский ассоциативный словарь: в 2-х тт. Т. 1: От стимула к реакции / Ю.Н. Караулов и др. – М., 2002. – 784 с.
4. Словарь современного русского литературного языка. В 17 тт. – Т. 4. – М. – Л., 1955. – 682 с.
5. Словарь современного русского литературного языка. В 17 тт. – Т. 7. – М. – Л., 1958. – 740 с.
6. Эйдлин Л. Предисловие [Электронный ресурс] / Китайская классическая поэзия. [сайт] URL: http://lib.ru/POECHIN/china_classic.txt_with-big-pictures.html#1 (дата обращения 5.09.2011).